считал повестью „грузинского происхождения", и обратив внимание на то, что в списках „Сказания" упоминается „обежанин", а царица Александра считается родом „арменыня", иначе решил вопрос „о путях перехода" сказаний и повестей о Вавилоне граде на Русь. „Сопоставление этих данных, — говорит он, — указывает, может быть, на область первоначального распространения повести о Вавилоне, но делать отсюда какие-либо выводы о путях перехода этого памятника в старо-русскую письменность, при отсутствии более точных указаний, не решаюсь. Вопрос может разъясниться при участии знатоков армянской и грузинской литератур".[1]

Расходились А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов и в решении вопроса о том, надо ли считать сказания и повести о Вавилоне граде частями одного первоначального произведения или следует думать, что они только позже слились в одно целое произведение. Понятно, почему этот вопрос встал перед представителями сравнительно-исторической школы: при предположении, что весь цикл сказаний и повестей о Вавилоне граде некогда представлял собою единое произведение, легче было, опираясь на различного рода „параллели", решать основную проблему — проблему происхождения этого произведения. Поэтому А. Н. Веселовский вполне последовательно приходит к идее „свода" всех сказаний и повестей о Вавилоне граде, создает этот „свод" и в своей работе все время опирается на него как на реально существовавшее произведение. И. Н. Жданов приходит к иному выводу по этому вопросу: „Кроме повести о греческом посольстве в Вавилон, — пишет он, — в нашей старинной письменности известно было еще другое сказание о Вавилоне: „Притча о Вавилоне граде". В этой притче, не безызвестной, как мы видели, и на западе, речь идет о Навуходоносоре и сыне его Василии, о построении Вавилона и об его запустении. „Притча" о Навуходоносоре и повесть о послах царя Льва принадлежат, конечно, к одному и тому же кругу сказаний о пустынном Вавилоне, но нет достаточных оснований утверждать, что притча и повесть составляли когда-то одно литературное целое".[2]

Не вполне одинаково решали А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов и вопрос об идейном содержании цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде. Оба они при решении этого вопроса обращали внимание прежде всего на те эпизоды „Сказания о Вавилоне граде", в которых рассказывается о перенесении царского венца сперва из Вавилона в Византию, а затем из Византии в Киев, но приходили к разным выводам. А. Н. Веселовский объединил в одно произведение „Притчу о Вавилоне граде" в ее полном составе (рассказ о Навуходоносоре и о сыне его Василии Навуходоносоровиче) и „Сказание о Вавилоне граде" (о греческом посольстве в Вавилон) с добавлением краткого рассказа о передаче царских инсигний из Византии в Киев и писал по поводу этой никогда не существовавшей „повести": „Во всей «Повести» нельзя не признать отражения византийского политического миросозерцания". Это „византийское политическое миросозерцание", или „византийское политическое самосознание", по сути дела неизвестно кому принадлежавшее, состояло, по мнению А. Н. Веселовского, в представлении того, что „власть, символически выраженная в образе венца, перенесена с Востока в Византию, которая становится средоточием и источником царственного достоинства" и в свою

---

[1] И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 46—47.
[2] Там же, стр. 151.